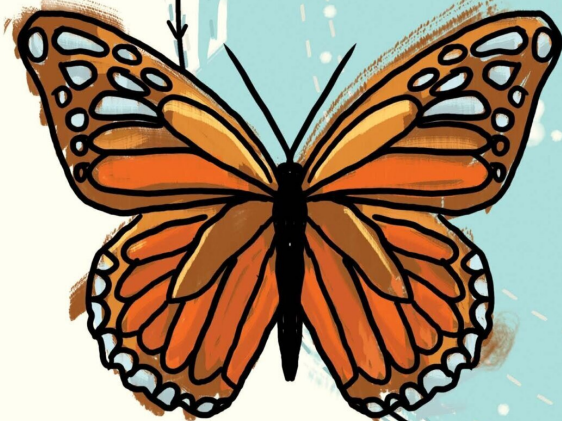

П О Р Т Р Е Т Ы

ИСТОРИИ ДЕТЕЙ УЛИЦ

НАТАЛЬЯ СЛОБОДЯН

Наталья Слободян
Портреты. Истории детей улиц
Серия «Библиотека классической
и современной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63804588

*Портреты. Истории детей улиц. Настоящие: Общественная
ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков;
ISBN 978-5-907379-10-7*

Аннотация

«Сердце человека трогают две вещи: красота и горе» (Дж. Элдридж).

Настоящая жизнь – быть, видеть и чувствовать. Смерть и победа, отчаяние и надежда, преступления и жизнь, вера и насилие – всё это причудливо смешалось в историях детей улиц. Прошлое, которое не отпускает, и настоящее, которое вдохновляет. Всё это про них – живых, искренних, настоящих, отважных и таких незащищённых, – про детей. События, описанные на страницах книги, происходили в Уфе в период с конца 1990-х годов и продолжаются до настоящего времени. Истории красоты, памяти и приобретённых смыслов. Истории благодарности и настоящего горя. Истории НЕОбычного времени.

Это история о том, как из инициативной группы выросла профессиональная команда специалистов АНО «Общества помощи детям „Возможность“».

Также в книгу вошла повесть «НЕОлев», в центре которой – надежда на чудо, тонкая грань между реальностью и мечтой. В мир неслышно вошла она – Тайна. И разглядеть ее может каждый, даже малыш.

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	8
Рина	10
Леа	15
Мика	18
Николай	21
Зои	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Слободян Портреты. Истории детей улиц

*Зорко одно лишь сердце. Самого настоящего
глазами не увидишь.*

Антуан де Сент-Экзюпери

© Наталья Слободян, 2020

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2020

Предисловие

Эта книга реальных историй.

Мы – я и наша команда – часть этих историй.

Зачем я пишу эти истории?

Мне хочется подарить надежду. Тем, кто был рядом с нами в эти сумасшедшие годы, и тем, кто потерял надежду.

Кто был рядом? Моя семья, муж и дети; наша команда, сотрудники ЦВИНП; и доктора, директора приютов и детдомов, учителя; спонсоры и партнёры, волонтеры, сотрудники КДН и ОДН; священники и прихожане церквей, люди из миссий и служители мечетей; сотрудники опеки и администрации, люди в погонах и без...

Спустя годы я могу рассказывать о чудесах, о жизни и смерти, радоваться и плакать – вот об этом и книга.

История прошлого и история настоящего.

А будущее? Оно уже здесь, сотканное из историй нашей жизни.

Некоторые настоящие истории одного ребёнка я делила на три. Потому что невозможно уместить всё в одну; я не знаю, как это сделать. Я проживала эти истории с детьми, иногда это было нелегко.

Я помню их всех. Я вижу их глаза, слышу их смех. Да, они умеют смеяться. И драться, и воровать, умеют помогать и поддерживать. Умеют рассмешить, умеют варить наркоту,

умеют дарить подарки. Иногда подарки были ворованные. Но иногда – настоящие. Разглядеть настоящее внутри – настоящее детское сердце – было легко. Стоило только заглянуть в него, в сердце, глазами своего сердца.

Это несложно, потому что зорко только сердце, как сказал мудрый Лис.

Благодарности

БлагоДарность вам – тем, кто взял эту книгу в руки. Потому что теперь и вы – часть истории. Вы узнаете живую историю, и она будет жить в вашем сердце.

Вам, моя семья, – благодарение и восхищение. Мы лучшая семья, ведь это у нас дома, в нашей детской, иногда пахло морилкой и клеем. Ведь это на нашей кухне мы сидели вечерами и ночами с теми, кого мы привели и кто сам нашёл дорогу... и чая хватало всем. Ведь это вы принимали в своё сердце других детей. «Мам, пап, я нашёл/нашла мальчика, вот привёл». Благодарю Бога за свою семью. Ваша поддержка и наша любовь – это моё счастье.

БлагоДарность вам, друзья, с которыми мы искали детей в подвалах и канализационных люках, в заброшках. Вам, кто жил вместе с детьми в соцгостиной, кто создавал концерты и работал в дневных центрах. Вам – благодарение, ведь то, что мы прошли вместе, – это настоящая дружба. Наши слёзы и надежды, наше доверие друг ко другу – это дружба навсегда.

БлагоДарность вам, наши партнёры и спонсоры. Вы вошли в истории этих детей, скромные и невидимые. Вы оплачивали их еду и лечение, аренду квартир и домов, в которых дети находили безопасность. Ваш вклад в истории и безопасность – довольные, сытые дети. А что ещё нужно ребёнку?..

БлагоДарность вам, сотрудники полиции. Вы научили нас

реальности. И под погонами есть прекрасные сердца.

Это даёт надежду.

Вам, священники и пасторы, люди из мечетей, храмов и церквей, – благодарность. Вы поддерживали в нас веру. Ваши молитвы и сочувствие, ваша любовь и принятие, ваши быстрые реакции укрепляли в нас веру и дарили надежду.

Вам, чиновники и люди у власти, – благодарение. Вы научили нас системе, вы удивляли нас. Особая благодарность тем, кто в системе – Человек. Вас много, живых и помогающих, настоящих. И это нас вдохновляет.

Вам, простые люди, – благодарность. Мы встречали вас на протяжении десятилетий. Вы звонили, когда видели ребёнка на улице. Вы приводили к нам новеньких, и вы варили горячие вкусные супы для уличного патруля. Вы занимали очередь, чтоб сварить суп, испечь пирожки. Вы приносили в дневные центры еду, приготовленную вами. Вы – чудесные, простые, незаметные спасатели.

Всех, кто был рядом и кто сейчас рядом, благодарю!
Восхищаюсь. Надеюсь. Верю. И просто живу дальше.

Наталья Слободян, директор

АНО «Общество помощи детям „Возможность“» (Уфа)
с 2010 года, волонтер с 1998 года

Рина

Рине было четырнадцать, когда её детство закончилось.

Внутри малышки Риной рос ребёнок, и она резко повзрослела, теперь она – мама. Не будущая, почти настоящая.

Он её любил. А как она его любила! Мы так и не узнали, кто он, отец её ребёнка. Тайна, которую она унесла с собой.

Ей было девятнадцать, когда она ушла. ВИЧ, туберкулёз.

– Вы зачем сюда ходите? – заведующая отделением в тубдиспансере, с которой мы уже давно знакомы, выталкивала меня наружу. – Вам ещё туберкулёза не хватало, вам точно сюда нельзя!

– Да я только узнать. Рина у вас лежит?

– Ох, все ваши тут лежат... Рина? Да, молоденькая такая, знаю. Она чудом осталась живой: привезли её уже полумёртвой!

Рина с трудом спустилась с восьмого этажа. Я держалась, чтобы не заплакать. От нашей девочки не осталось ничего: высохшая, бледная, чуть светится, еле ходит...

– Я всё поняла. Я хочу жить. Я буду жить, буду заботиться о малышке, ей всего пять годиков, а я была отвратная мама. Я это поняла. Ведь меня с этажа «смертников» вчера перевели, значит, я выживу!

«Смертники» лежат на девятом этаже. Она сегодня – на восьмом, живая. Обнимаю. Наплевать, что заведующая за-

прещает. Это же моя девочка!

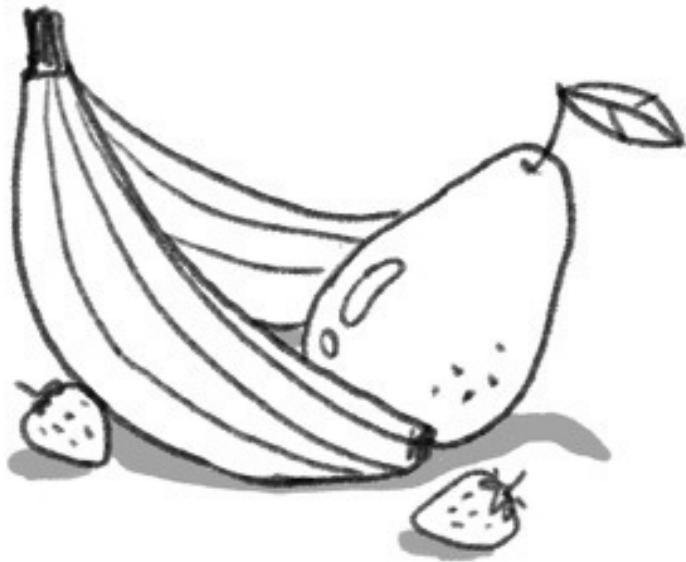
Помню, как пять лет назад она две недели не возвращалась домой. Пришла к нам, в дневной центр.

– Можете моей маме сказать, что я беременна? Я не могу. Она меня точно убьёт!

Я пошла, вошла в подъезд многоэтажки. Рина стояла под подъездом и ждала своей судьбы.

– Коляску дадим, памперсы тоже. Одежды у нас полно. Смесьями, детским питанием поможем. Это же ваша родная внучка, примите дочку домой, ей уже поздно делать аборт...

Мама – под градусом. Дома – грязь, собаки и старый дедушка. Сидим на кухне, пьем чай.

Мама думает. Не сказать чтобы она расстроилась или возмутилась. Пытаюсь прочесть её чувства, но у меня плохо получается. Не совсем трезвая мама.

– Ну что? Я звоню Рине? Пусть заходит?

– А что делать? Раз поможете, будем рожать!

Я рада, что роль аиста мне удалась.

Рина вошла. Глаза – долу, стоит в дверях. При мне мама терпит, не кричит. Я тихо ухожу.

– Ты, главное, сиди дома. Малышку береги, да и себя тоже! – у дверей обнимаю девочку, прощаясь.

Родила. Опеку оформили на маму, ведь Рина сама ребёнок. Рина злится: «Я мама, а не она!» – но с ребёнком времени проводит мало. Вначале играла, а потом... устала, что ли?

Звонок:

– Наталья Михайловна, у меня ребёнка хотят забрать! –

Рина в истерике, а голос уставший.

Еду в кожвендиспансер.

– Болеет она, – сообщил доктор. – Лечить надо.

Это он про малышку. А ей нет ещё и двух лет. Рины рядом нет: она в другой больнице. Лечится тоже, подхватила заразу.

Вместе болеют: и Рина, и малышка.

Нянечку надо срочно. Бабушка не в ресурсе. Ребёнок в больнице один, лечение непростое.

Нянечку нашли. Бабушка протрезвела. Малыш – в летнем лагере, Рина лечится.

* * *

Неуютная лестница тубдиспансера. Я обнимаю Рину, нахлынули воспоминания, плачу. Надеюсь, то, что она говорит мне в этот самый момент, правда. Что она правда будет заботиться о малышке, правда перестанет принимать наркотики, правда-правда.

А через два дня Рина умерла. Я как раз шла знакомой дорогой в тубдиспансер, несла ей её любимые вкусняшки.

А что, если бы... Как же больно!..

Сколько детей остались в нашей памяти детьми! Потому что умерли, так и не успев повзрослеть.

Леа

– Сегодня прекрасный день, просто чудесный день! Снова есть время, чтобы творить, создавать красоту, вдохновлять, поддерживать и побеждать! Сколько у меня на сегодня моделей записано? – мурлыкала про себя Леа, пытаясь стряхнуть с себя остатки сна. – Сегодня прекрасный...

– Мама! Ма-а-ам... – тихий голосок прервал такое деловое и прекрасное начало дня, и Леа поняла, что вот она, реальность! Настоящая жизнь и достижения.

Её достижение лежало в кровати. Третье по счёту, мальчик. Свежий и отдохнувший, он был готов к победам. Беря его на руки, Леа понимала, что может помочь ему совершить свои победы. А для чего же ещё нужна мама? Именно для этого! И она сделает всё, что в её силах.

Утро, как обычно, начиналось громко. Старшая, Вика, уже вовсю добывала что-то на кухне – растущий организм. Что-то гремело, лилось, хлопало. Малышке ещё нет и шести, а она уже чувствует себя хозяйкой, уверенной и всемогущей!

«О-о-ох! Главное, чтобы разрушений было по минимуму», – философски подумала Леа.

Средняя, как обычно, ещё лежала в кровати. Малышка для своих трёх лет обладала суперспокойствием: вся энергия досталась старшей. На руках с малышом Леа зашла на кухню.

– Мама, мама, я почти закончила! Бутерброды вкусные,

тебе понравится!

И правда, бутерброды яркие: кусочки хлеба, сверху кусочки масла, красный помидор, рядом зелёный лук. Красиво. Леа наклонилась, поцеловала тёплую головку дочери:

– Что бы я без тебя делала? Ты такая хозяйюшка!

А если бы не...

* * *

Ей было десять лет, когда она попала в детский оздоровительный лагерь. И, когда в обед она увидела первое, второе, компот и печенье, у неё случилась истерика:

– Я хочу уксуса! И хлеба! Дайте мне уксуса и хлеба! – неистово кричала Леа.

Другой еды она не знала. Её приходилось по-настоящему приручать, долго. Отец, который сел в тюрьму, когда ей было два годика, и вышел, когда ей было одиннадцать, её баловал, но наркотики не оставлял. И девочка поняла, что его любовь к наркотикам сильнее любви к собственной дочери. Он любил её, конечно, но сил отказаться от наркотиков не было. Вскоре он снова сел за решётку. Вышел и... снова отправился в тюрьму.

Мама... У Леи была мама, но у неё тоже была своя история. Свои дети и свои мужчины. Леа никак не вписывалась в эту историю. Вот так она и росла: улица, компании и наша «Возможность».

* * *

Муж подошёл, поцеловал Лею, обнял малышей, позавтракал вкусными бутербродами и убежал на работу. А у неё своя работа – обеспечивать счастье троим малышам.

Неслышно вошла мама:

– У тебя дверь нараспашку: заходи кто хочет!

– Мамочка... Ты зашла ко мне, потому что ты этого хочешь! – обняла маму Леа.

– Ну и какие планы на сегодня? – весело спросила немолодая женщина со светлой улыбкой и добрыми глазами, видя, как к ней навстречу бегут её внучки.

– Что сегодня сотворим хорошего?

А я точно вижу и знаю: они создают новую историю, историю Жизни.

Мика

Она сидела ночью у меня на кухне. Слезы текли ручьём, чашка в руках так дрожала, что то и дело чай проливался на стол.

– Их было двое. Близнецы, представляете? И они умерли! Я их убила... Да, я снова сделала аборт, но в этот раз их было двое!

Опухшее личико, зрачки с точку – ещё не отошла после наркотиков.

Впервые её изнасиловал отчим, когда ей исполнилось пятнадцать. Она ему отомстила. Когда все, в том числе и она, были пьяные, Мика схватила железную трубу, подняла, опустила и услышала, как у него треснули кости.

– Он мне тоже руку сломал! – жаловалась Мика, не испытывая ни капли раскаяния, скорее, гордость. – Он не жаловался, нет, заявление не писал, но домой я не поеду. Мама не защитит, ей это не надо. Лучше мыкаться по подвалам, ждатель, кто приютит. Но домой – нет, никогда!

Очень хочется любви. Может, кто-нибудь и полюбит? Мика искала: беременела, делала аборт. Алкоголь, наркотики... Она никак не могла забыть, как её близнецы лежали на столе в больнице... мёртвые. А могли бы жить. Крохотные... Ещё бы месяц, и они смогли бы выжить. Но куда ей идти с детьми? Что с ними делать?

– Аборт на позднем сроке – отстой. Лучше, когда они совсем маленькие, не разглядеть, что там... – сквозь слёзы говорила Мика.

А медсестра дала их разглядеть – специально, с презрением глядя на юную наркоманку.

Ночь тихая. Кухня светлая. Слёзы горькие. Реальность страшная.

* * *

Центральный парк, солнце, тепло. Весна настоящая, ранняя, умытая. Из машины вышла молодая красивая блондинка. Синие, как небо, глаза, фигурка точёная, красивая. Открыла задние двери.

– Так, мальчишки, отстёгивайтесь. Осторожно, кресло тоже отстегните, аккуратно, сестрёнка ещё маленькая... Так, не выскакивайте на улицу, ждите меня, я сейчас малышку возьму... Стоять, никуда не бежать! Сейчас пойдём в парк, там и побегаετε.

Мальчишки пулей выскочили на свободу. Ещё бы! Ехать пристёгнутыми целых пятнадцать минут – кто такое выдержит? Мика взяла годовалую малышку, усадила в коляску и пошла в парк гулять.

«Надо бы мужу сказать, чтобы что-нибудь сладкое к ужину купил, – подумала она, смотря на то, как близнецы хохочут, что-то рассказывая друг другу. – Хорошо, что близнецы. Им не будет одиноко. И сестрёнку любят...» – с улыбкой думала Мика, с удовольствием подставляя лицо весеннему ветерку.

А если бы они не встретились, Мика и возможность?.. Но они встретились. И вышла отличная история.

Николай

Коля – просто чудо! Так, как он, решать задачки по математике не мог никто. Куда там нашим пыхальщикам! Все мозги себе пропыхали... Хотя, конечно, большинство из них – из кризисных семей, и они не получили положенного навыка обучения. У них навык – выжить, отличный навык для них.

А этот тоже на клее сидит, но мозги в полном порядке. Как только мы его не загружали! И на логику, и на интеллект, и на сообразительность – любую задачу решит. Мама у него руководит студией, папа – бизнесом. И оба любят старшую сестру. Почему? Кто его знает! Любят, и всё. Квартиру на неё переписали, всё лучшее – ей...

А Коле любви не досталось ни капли.

Мама и не скрывает своей неприязни, стыдится сына. Приходит к нам, общается. Мы пытаемся ей объяснить, что всё-таки это её сын.

Бес-по-лез-но...

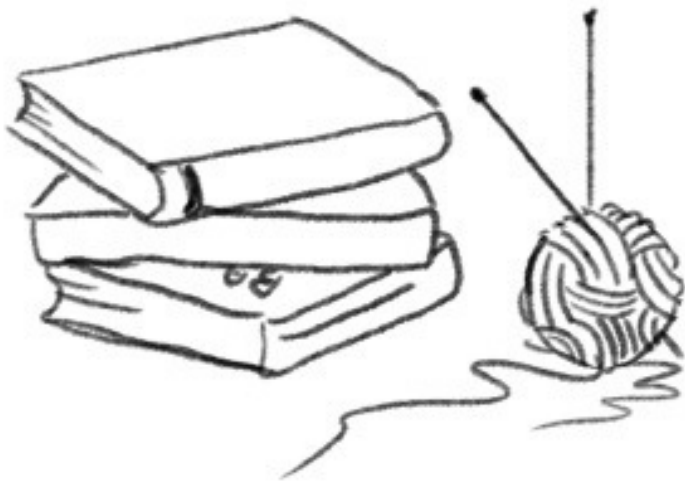
Коля на маму никак не реагирует: ни злости, ни раздражения. Про папу говорить не любит, это его задевает: папа – равнодушие, нелюбовь.

Для него большая радость, когда мужчины-волонтёры садятся с ним решать задачки. Он наслаждается жизнью, вниманием и восхищением. И заслуженно: парень-то умный.

Одет хорошо. Мама хотя бы этот вопрос для него решает, но жизнь на улице быстро приводит в негодность всю одежду. Мама злится, берёт сына домой, моет, переодевает и... снова выгоняет. Буквально выгоняет! Надоедает он ей быстро... Зато деньги даёт всегда, компенсируя недостаток любви.

Поэтому Коля быстро перешёл на наркоту дороже клея, начал скатываться в бездну.

Однажды в подъезде он принял дозу и сразу вырубился. Рука была на батарее, её внутренняя сторона просто сварилась. Ожог страшный. Лечим его, он терпит. Рука заживала долго: ожог был серьёзный.

Друзья Коли к нам не приходили. Статус у них совсем не беспризорный, понятно... Он только рассказывал, как спасал их от передоза, заливая в них литрами томатный сок, как затаскивал их в подъезд, чтобы они не замёрзли. Заботился искренне, без осуждения.

– Коля, давай завязывай! Ну что ты с собой делаешь?

Коля смотрит в ответ глазами, познавшими дзен. Они у него спокойные, ничего не выражающие, сияют внутренним светом и смышлёностью.

Общается он не со всеми. Неинтересно ему. Не его статус, понятно. Успевает ещё и колледж посещать...

Долго мы общаемся. Приходит он постоянно. И с ним общаемся, и с его мамой. Надеемся на чудо – на то, что наша поддержка поможет.

Парень уже плотно сидит на наркоте, а мама прилежно снабжает его деньгами. Просим не давать ему, а она удивляется:

– Что ж я, совсем не мать?

* * *

Потом Коля пропал. Надолго. Где-то через полгода пришла мама.

– Похоронили Колю, как бомжа. Не опознали, документов при нём не было, уже месяцев пять как прошло, а мы вот только сегодня об этом услышали. Вот и не знаю, перезахоронить, что ли? Или уже пусть так будет?

Мама сидит, пьёт чай. Пытаюсь угадать, что она чувствует. Не знаю, о чём с ней говорить...

– Ладно, пойду я... Так что посоветуете? Перезахоронить его или не надо?

Я боюсь, что становлюсь циником. Потому что ловлю себя на мысли: «Коле это вряд ли поможет, оставьте его уже в покое...»

Зои

Мама Зои умерла, когда ей было десять. Папа пил.

Брат ушёл на улицу, потом в тюрьму.

– О-о, да нормально всё, живая она! – мальчишки ввалились в помещение дневного центра для кризисных подростков. – Мы сейчас на стройке Зои

– Ну кровь была, да... Живая она!

Слёзы. Злость. Ужас. Боль. Отчаяние.

– Где? На какой стройке? – схватила я Олега за грудки.

– Н-н-не помню... – Олег дыхнул мне в лицо драконьей смесью морилки, клея и пива.

– Господи, только ты можешь её защитить!

Объездив несколько точек, где Зои могла бы оказаться, и не найдя никого, я тихо молилась. Больно... Дышать больно...

Больше мы её не видели. Она к нам не приходила, и никто не знал, где она. Жива ли?

* * *

– Тётя Наташа! Мама! – ко мне летела маленькая черноглазая девочка. Улыбка не помещалась на её личике, глаза сияли, а рядом стояла коляска.

– Зои? – не веря своим глазам, шепчу я, потому что не могу громче: дыхание сбилось. Таких крепких объятий от такой малышки точно не ждёшь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.